

Клоун моего детства

Как сквозь сон, слышу по телефону голос администратора Душанбинского цирка:

— На манеже у нас сегодня Борис Вяткин. Народный артист!

Борис Вяткин — клоун моего детства... Впервые я увидел его, когда восьмилетним мальчишкой приехал к тетке в послевоенный Ленинград. Память о войне еще ходила по улицам города, а в цирке под громовой хохот зрителей выступал клоун Вяткин со своей умницей Манюней — коротконогой рыженькой дворняжкой.

Позже, став разъездным корреспондентом, я не раз встречал Вяткина в других городах, куда он приезжал на гастроли. И вот встреча в Душанбе. Конечно, при нем верная Манюня, Манюня-VIII — так Вяткин и в шутку, и всерьез называет свою помощницу, пра-пра-пра... внучку той, первой.

Смеясь и поглаживая лужавую собачью мордочку, Вяткин предлагает ей «поработать»: заворачивает рубль в одну из пяти газетных бумажек, сминает их в шарики, перемешивает и кидает на пол: «Манюня, где деньги?».

Та задумчиво обнюхивает шарики и подает Вяткину один из пяти. Клоун вынимает из него рубль: «Видите? А говорят, деньги не пахнут».

Есть в жизни клоуна день, который он отмечает ежегодно, как день рождения. 11 мая 1930 года Борис Вяткин впервые вышел на манеж... униформистом. Нелегко был его путь в цирк. Родом из села Вяткино на Алтае, он рано остался сиротой. Судьба забросила мальчишку-беспризорника в Новосибирск. Работал продавцом газет, грузчиком, банщиком, швейцаром... Затем униформистом. После этого сменил еще с десяток профессий, но все они были уже только цирковые: турнист, акробат, воздушный гимнаст, музыкальный эксцентрик, наездник... Однако вертелся ли он на турнике или висел вниз головой на трапеции, играл ли на трубе или прыгал на спину лошади — публика, говорят, помирала со смеху, ибо Борис Вяткин был прирожденным клоуном.

Однажды он подобрал в снегу полузамерзшего щенка. Собачка оказалась удивительно смышленной и на манеже сразу почувствовала себя как дома. С появлением маленького партнера — Манюни-1 — засияла в цирке звезда клоуна Бориса Вяткина.

Когда грянула война, Вяткин с Манюней ушел на фронт. В составе фронтовой бригады Московского цирка прошел до Кенигсберга.

— После войны меня пригласил Ленинградский цирк, — вспоминает клоун. — 12 сезонов подряд, начиная с 1947 года, смешил ленинградцев. Это были лучшие наши голы. Мы с Манюней придумали тогда около трехсот реприз!

Если учесть, что каждая хорошая реприза рождается в муках, можно представить себе, что это такое — триста. Столько смешного способен «родить» только неистощимый на выдумку человек.

— Публика — мой партнер, — утверждает Вяткин. — Привычка к тесному общению с ней пошла с фронта, когда нас не отгораживал барьер манежа. Я доверяю публике. Всегда разоблачаю фокусы, которые показываю на манеже, — не люблю оставлять зрителя в недоумении.

— Вы — старейшина советских клоунов, — напоминаю я Вяткину. — Кого из своих коллег помните?

— Помню Леонида Енгибарова, — задумчиво говорит артист. — В его пантомимах было столько человечности и лиризма! Помню Акрама Юсупова, клоуна-канатоходца. Это был «Ходжа Насреддин» — бесстрашный, остроумный, ловкий. И, конечно, неповторимого Константина Мусина. Он выходил на манеж в цилиндре, с тросточкой и концертно, работал весь вечер без единого слова. Ему были доступны все цирковые амплуа.

— И не только цирковые, — вступает в разговор Борис Вяткин-младший, который рядом с отцом готовится к выходу на манеж. — Если бы, скажем, дядя Костя был журналистом, он мог бы писать без авторучки.

Я смотрю на него, высокого и сильного, так не похожего на отца — маленького юркого клоуна, и вспоминаю один из рассказов Вяткина-старшего. Как-то на гастролях в Индии одна журналистка спросила клоуна, есть ли у него сын и как его зовут. «Я назвал его Борисом, — пошутил тот. — Чтобы не менять афишу».

Но Борис-младший выбрал другое цирковое амплуа. Он силовой жонглер.

— Вяткин-старший, на выход! — доносится по радио в артистическую.

Я провожаю клоуна и Манюню до самого выхода, слышу, как когда-то в детстве, их смешной диалог, прерываемый смехом публики...

А после представления, за кулисами, наблюдаю, как усталый клоун нюхает цветы, брошенные ему из зала, и чихает, будто запах щекочет ему нос. В сорок третьем, когда он выступал перед бойцами... ему тоже принесли цветы. Понюхав их, он чихнул, и из цветов вылетела записка: «Эти цветы с нейтральной полосы». И подпись: «Разведчики».

Л. ЛЕРНЕР.

ДУШАНБЕ.